

О. С. Сергиенко

ВАРИАНТНОСТЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО МИНИМУМА С КОМПОНЕНТОМ «СОБАКА» И ИХ ЧЕШСКИЕ ПОСЛОВИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

OLESYA S. SERGIENKO

VARIANCE OF RUSSIAN PROVERBS OF PAREMIOLOGICAL MINIMUM WITH A COMPONENT "DOG" AND THEIR CZECH PROVERBIAL PARALLELS

В статье анализируется вариантность современных русских пословиц с компонентом *собака*, вошедших в новейший паремиологический минимум русского языка (по состоянию на 2022 г.). Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всестороннего изучения активных пословиц в русской языковой картине мира в контексте изменений, происходящих в современном русском языке. Научную новизну исследования определяет прежде всего его материал — список пословиц, составляющих самый актуальный паремиологический минимум русского языка, в который вошли семь пословиц с компонентом *собака*, среди них: *Вот где собака зарыта (порылась)*; *Собака на сене: сама не ест и другим не дает*; *Собака лает, караван идет (ветер носит)*; *Собаке — собачья смерть* и др. Классифицируются отраженные информантами варианты пословиц с компонентом *собака*, и анализируются типы вариантности на лексическом, синтаксическом, стилистическом, морфологическом и фонетическом уровнях языка. Большинство данных пословиц имеет в чешском языке пословичные параллели, содержащее слово *собака (pes)*: *Pes, který štěká, nekouše* (букв. 'Собака, которая лает, не кусает'); *Tady je zakopaný pes* (букв. 'Здесь зарыта собака'). Однако параллели к русским пословицам паремиологического минимума *Собака лает, ветер носит* и *Собаке — собачья смерть* оказались незнакомы носителям чешского языка: *Pes štěká a vítr odnáší* и *Psu psi smrt*. Еще одна пословица *Собака на сене: сама не ест и другим не дает* имеет чешский аналог без компонента *собака* — *Sedí na tom jako žába na prameni* (букв. 'Сидит на нем, как лягушка на источнике').

Ключевые слова: паремиологический минимум, вариантность, пословичные параллели, чешский язык, пословичная картина мира.

Олеся Сергеевна Сергиенко

<https://orcid.org/0000-0002-2374-717X>

► o.sergienko@spbu.ru

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
университет,
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург, Университетская
наб., 7–9

Olesya S. Sergienko

PhD in Philology, Associate Professor

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

The article analyses the variance of modern Russian proverbs with the component *dog*, included in the latest paremiological minimum of the Russian language of 2022. The relevance of this research is due to the need for a comprehensive study of active proverbs of the Russian linguistic picture of the world in the context of changes occurring in the modern Russian language. The scientific novelty of this study is determined, first of all, by its material, namely, the list of proverbs that comprise the most up-to-date paremiological minimum of the Russian language. The paremiological minimum of 2022 includes seven proverbs with the component *dog*, among them: *Here is where the dog is buried (burrowed)*; *Dog in the manger: doesn't eat itself and doesn't let others eat it*; *A dog barks, the caravan goes (the wind carries)*; *A dog's death is a dog's death* and others. The article classifies the variants of proverbs with the *dog* component reflected by the informants and analyses the types of variation at the lexical, syntactic, stylistic, morphological and phonetic levels of the language. Most of these proverbs have proverbial

parallels in Czech containing the word *dog* (*pes* in Czech): *Pes, který štěká, nekouše* (lit. 'A dog that barks does not bite'); *Tady je zakopaný pes* (lit. 'A dog is buried here'). However, the parallels to Russian proverbs of the paremiological minimum *Dog barks, the wind carries* and *A dog's death is a dog's death* have turned out to be practically unknown to modern speakers of Czech: *Pes štěká a vítr odnáší* and *Psu psi smrt*. Another proverb *Dog in the manger: doesn't eat itself and doesn't let others eat it* has a Czech analogue without the component *dog* — *Sedí na tom jako žába na prameni* (lit. 'Sits on it like a frog on a spring').

Keywords: paremiological minimum, variance, proverbial parallels, Czech language, proverbial picture of the world.

Введение

В настоящем исследовании анализируется вариантность современных русских пословиц с компонентом *собака*, вошедших в новейший паремиологический минимум русского языка (по состоянию на 2022 г.), выявленный в результате социолингвистического паремиологического эксперимента с участием 340 информантов, носителей русского языка, и подготовленный к печати членами научного коллектива кафедры славянской филологии под руководством профессора М. Ю. Котовой в 2023 г. [ТП 8]. Каждому информанту, который участвовал в данном паремиологическом опросе, был предложен список из 581 русской пословицы (с указанием только начальной части пословицы). Задачей было вспомнить продолжение пословицы и вписать его самостоятельно. Список был сформирован из паремиологического минимума Г. Л. Пермякова, установленного в 1970-х годах [Пермяков 1988], материалов «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» [РССПАС] профессора М. Ю. Котовой (в него были включены как пословицы из минимума Г. Л. Пермякова, так и некоторые другие пословицы из паремиологического лексикона автора словаря) и 80 новых пословиц, добавленных членами научного коллектива кафедры славянской филологии по собственной инициативе, чтобы проверить употребительность пословиц в современном русском языке. В результате социолингвистического опроса был сформирован список из 543 активных современных русских пословиц, к которым были отнесены только те, что были продолжены минимум 15 % информантов.

Результаты опроса позволили не только скорректировать паремиологический минимум Г. Л. Пермякова, но и выявить широчайший спектр вариантных форм, в которых русские пословицы существуют в сознании современных носителей языка.

Актуальность настоящего исследования определяется недостаточной разработанностью проблемы в современной русской паремиологии и высоким уровнем практической значимости результатов, которые будут востребованы в образовательном процессе, в том числе в преподавании русского языка как иностранного и чешского языка как иностранного. Значимость обращения к вариантности современных русских пословиц на материале паремиологического социолингвистического эксперимента также обусловлена необходимостью всестороннего изучения активных пословиц в языковой картине мира в контексте изменений, происходящих в современном русском языке. Паремии являются важным элементом, отражающим национальные особенности мышления, мировосприятия и коммуникативного поведения носителей языка. Исследование их вариантности позволяет углубить знания о динамике и механизмах развития языка, а также расширить представления о функционировании и употреблении пословиц.

Научную новизну данного исследования определяет прежде всего его материал, а именно, список пословиц, составляющих самый актуальный паремиологический минимум русского языка.

Источником чешских параллелей для русских пословиц с компонентом *собака* в основном послужило учебное пособие «Тетради паремиографа. Выпуск 2: Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума», опубликованное в 2013 г. [ТП 2]. Данный сборник чешских пословиц был создан на основе: РССПАС, паремиологического социолингвистического эксперимента (100 анкет, заполненных носителями чешского языка в 2003–2004 гг. — см. Приложение к докторской диссертации «Славянская паремиология» [Котова 2004]); учебного пособия по сопоставительной славянской паремиологии [Котова 2010] и кандидатской диссертации «Вариантность чешских и словацких пословиц» [Сергиенко 2010].

Состояние изучения вопроса

Проблема вариантов, возникающих вследствие развития языка (или исторически обусловленных вариантов), привлекла внимание еще представителей Пражского лингвистического кружка, которые в своих трудах применяли принцип вариантности языковых средств по отношению к норме литературного языка. Помимо исторически обусловленных вариантов рассматривалась и территориально обусловленная вариантность [Сергиенко 2015: 8–12].

Тезис, предложенный Г. Л. Пермяковым, о том, что пословица обладает замкнутой формой клише, т. е. не изменяется и не дополняется в речи, в свое время стал определяющим в паремиологии. Предполагалось, что пословицы имеют фиксированную форму. Тем не менее сам Пермяков в более поздних трудах подчеркивал, что наличие искажений традиционных вариантов лишней раз указывает на устойчивость пословиц, так как видоизменение возможно только тогда, когда есть понимание текстовой нормы [Пермяков 2001: 21].

Первым, кто систематизировал типы пословичных вариантов и установил критерии различия между общенародными вариантами и авторскими переделками, был, пожалуй, В. П. Жуков. В предисловии к своему «Словарю русских пословиц и поговорок» (впервые изданному в 1966 г.) он выделял лексические, формально-словообразовательные, лексико-грамматические и структурные варианты пословиц, отмечая, что такие изменения, происходящие в рамках одной и той же синтаксической конструкции, не влияют на смысловое содержание. Жуков также ввел понятие факультативности, которое он отличал от вариантности, когда в языке функционируют как полные, так и неполные формы пословицы. От нормативной вариантности и факультативности следует отличать индивидуально-авторские преобразования, влекущие изменение общепринятого смысла, а также замену грамматических форм, например форм времени, когда в результате такой замены пословица получает конкретное, единичное значение [Жуков 2005: 17].

Вслед за В. П. Жуковым автор настоящего исследования полагает, что нормативная

вариантность и факультативность отличаются от индивидуально-авторских преобразований тем, что не нарушают тождество паремии, а являются лишь проявлением специфики формы, внешнего выражения пословицы.

В последние десятилетия многие российские исследователи активно занимаются изучением вариантности русских пословиц, в том числе в сопоставлении с другими языками. Можно выделить работы В. И. Беликова, С. И. Вяльцевой, Л. В. Гриченко, Е. Е. Иванова, Е. Е. Жигариной, В. Ф. Занглигера, Г. Капчица, М. Л. Ковшовой, М. Ю. Котовой, И. В. Кузнецовой, А. Л. Кюрегяна, Е. М. Маклаковой и С. О. Магфуровой, М. А. Милутиной, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой, Э. В. Садиковой, Е. И. Селиверстовой, О. С. Сергиенко и др.

Среди зарубежных исследователей, занимающихся вариантностью пословиц, можно отметить Ф. Чермака (F. Čermák), П. Гжибека (P. Grzybek), У. Лаухакангас (O. Lauhakangas), В. Мидера (W. Mieder), Й. Млацека (J. Mlacek) и др.

На кафедре славянской филологии филологического факультета СПбГУ под руководством профессора М. Ю. Котовой исследуется вариантность пословиц как единиц словаря. М. Ю. Котова является автором «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» [РССПАС] и соавтором восьми выпусков «Тетрадей паремиографа», в которых были представлены параллели русских пословиц паремиологического минимума во всех основных славянских языках, прошедшие через паремиологические эксперименты с участием носителей языка и снабженные контекстными иллюстрациями, которые дали возможность продемонстрировать вариантность в употреблении пословиц в каждом из представленных славянских языков.

К наиболее полному отражению вариантности русского паремиологического фонда стремился и коллектив авторов под руководством профессора В. М. Мокиенко при составлении «Большого словаря русских пословиц», изданного в 2010 г. [БСПП]. Как отмечает В. М. Мокиенко в предисловии к словарю, «это тезаурус русских пословиц, отражающий их бытование в возможно полной

амплитуде времени и пространства существования живого русского языка» [БСПП: 6]. В словаре выделяются морфологические и словообразовательные, фонетические и орфографические, лексические и структурные варианты, отраженные в многочисленных паремиологических трудах, от сборников XVIII в. и исторических словарей до новейших сборников пословиц и современных диалектных словарей. Конкретная «паспортизация» каждой паремии и каждого ее варианта позволяет точно определить, когда и где тот или иной вариант был впервые зафиксирован.

В монографии О. С. Сергиенко «Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц» были сделаны выводы о том, что наличие пословичных вариантов является частью паремиологической нормы языка, что, несомненно, должно находить отражение в паремиографических трудах в качестве иллюстрации пластичности или «эластичной стабильности» пословичного клише. Под вариантностью необходимо понимать такое видоизменение пословицы, которое существует в сознании носителей языка, не несет дополнительной семантической нагрузки и не осознается носителями языка как искажение пословицы. Принимая во внимание принцип нормативности пословичной вариантности, необходимо допускать мобильность и эластичность паремиологического корпуса языка и включать в него на правах нормативных воспроизводимые варианты живых пословиц. А значит, задачей современной паремиографии является отражение в словарях не только актуальных, наиболее частотных инвариантов пословицы, но и ее основных вариантов с соответствующими стилистическими и обобщенно-частотными пометами, а также при необходимости со сведениями о территориальных и социальных различиях в статусе вариантов паремии [Сергиенко 2015: 71].

Исследование вариантности русских пословиц тесно связано с такими понятиями лингвокультурологии, как «языковая картина мира» и «паремиологическая картина мира», что нашло отражение в коллективной монографии «Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков)» под редакцией М. Ю. Котовой, вышедшей в Санкт-Петербурге [Котова 2022].

Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира уже становился предметом исследований отечественных лингвистов. Пожалуй, подробнее всего данную тему осветила Н. И. Маругина, которая полагает, что зоосемизм «собака» относится к наиболее частотным ключевым словам в русской языковой картине мира [Маругина 2009: 15]. Исследовательница отмечает, что в языковой картине русского народа смогли оформиться выражения с ключевым словом *собака*, в которых оно употребляется в номинативном значении для характеристики данного животного, и примеры метафорического употребления, где лексема *собака* заимствуется и применяется для описания человеческих качеств и моделей поведения [Маругина 2009: 17]. Также отмечено, что употребление ключевого слова *собака* в пословицах и фразеологизмах может быть маркировано как положительной, так и отрицательной коннотативной окраской.

Анализируя пословицы и устойчивые сочетания, в состав которых входит ключевое слово *собака*, Н. И. Маругина выделяет следующие символические признаки, положенные в основу метафорического переноса и составляющие ассоциативное поле данного концепта: 1) собака — символ нечистоты, безверия, бездуховности; 2) собака — символ неустроенной жизни, нищенского существования, низкого положения; 3) собака — символ свободной, беззаботной, разгульной жизни; 4) собака — символ тоски; 5) собака — символ послушания, покорности в результате применяемых над ней насильственных действий; 6) собака — символ жадности, скупости, прожорливости; 7) собака — символ свирепости, проявления гнева, агрессии; 8) голосовое поведение собаки ассоциируется со сквернословием, бранью, ссорой, сплетнями, пустословием; 9) умственные способности животного — символ мудрости, большого ума, зрелости и опыта [Маругина 2009: 21].

На материале «Пословиц русского народа» В. И. Даля представления о собаке, сформировавшиеся в русской лингвокультуре, исследуются в статье Ю. А. Черемных и В. И. Шенкман «Традиционные представления о собаке по данным русской паремиологии». В статье представлен детализированный анализ сразу трех аспектов

репрезентации собаки в русских пословицах из сборника В. И. Даля (более 400 единиц), а именно: 1) собака как домашнее животное; 2) собака и человек; 3) собака и другие животные. Наиболее полно собака как домашнее животное показана через ее внешний облик и поведенческие особенности, среди которых выделяются: нечистоплотность и всеядность, жадность, праздность, агрессивность, злоба и злопамятность, глупость [Черемных, Шенкман 2024: 755–756]. Что касается взаимоотношения человека и собаки, то отмечено, что современное восприятие собаки как «друга человека» встречается в пословицах весьма редко. В основном отмечается ее подчиненное положение по отношению к человеку. Кроме того, отношение к собаке определяется отношением к ее хозяину [Черемных, Шенкман 2024: 758]. В отношении межвидового сопоставления собака, как правило, сравнивается с кошкой и волком, в единичных случаях — с другими животными [Черемных, Шенкман 2024: 759].

Результаты исследования

В паремиологический минимум 2022 г. [ТП 8] вошли семь пословиц с компонентом «собака» (в скобках указан процент информантов, продолживших ту или иную пословицу):

Вот где собака зарыта (порылась) (91,8 %);

Собака на сене: сама не ест и другим не дает (81,7 %);

Собака лает, караван идет (ветер носит) (72,4 %);

Собаке — собачья смерть (63,0 %);

Для бешеной собаки семь (сто) верст не крюк (53,2 %);

Не та собака кусает, что (которая) лает (37,9 %);

Когда на охоту ехать, тогда /и/ собак кормить (20,3 %).

Как и в ТП 8, здесь в круглых скобках приведены варианты к инварианту пословицы, выделенные при анализе результатов социолингвистического паремиологического эксперимента; в косых скобках даются факультативные варианты, которые могут быть опущены без потери смысла.

Научный интерес, несомненно, представляют все указанные респондентами варианты окончания пословиц. Некоторые из них по своей популярности могут конкурировать с инвариантом, другие отражают территориальную или социально-культурную принадлежность опрашиваемых, третьи являются окказионализмами.

Итак, рассмотрим каждую пословицу во всей полноте представленных в ответах информантов вариантных форм.

1. Вот где собака... зарыта (порылась) — 91,8 %, или 312 информантов. Согласно РССПАС, данная пословица «говорится при обнаружении (выяснении) чего-л. тайного, что давно не поддавалось разгадке» [РССПАС: 146]. О происхождении паремии пишет в своей статье Н. И. Марутина: «Еще одним примером выражения с немотивированным значением слова *собака* является идиома **вот где собака зарыта**. Данное выражение — калька с нем. *Da liegt der Hund begraben*, проникшее в русский язык во второй половине XIX в. Возникновение выражения связывают с мифологическим представлением о черном псе — “оборотне”, нечистой силе, охраняющей зарытый клад. Затем переносно слово *Hund* (собака) стало обозначать и сам клад. Буквально оборот тем самым обозначал — “Вот где спрятамо сокровище”» [Марутина 2009: 21].

В анкете, предложенной информантам, данная пословица была представлена без последнего слова-компонента, которое и нужно было дописать. Поскольку в оригинальной пословице данный компонент является глаголом, то и в ответах информантов в основном видим лексическую глагольную вариантность. Как правило, для широко известных пословиц, к которым можно отнести и данную паремиологическую единицу, в большинстве случаев типично абсолютное преобладание одного варианта (то есть инварианта), наряду с которым могут быть предложены несколько вариантов, большинство из которых могут быть окказиональными:

Вот где собака...

ветер носит

(1 информант)

зарылась

(3 информанта)

зарыта

(284 информанта)

зарыта / ветер носит	(1 информант)
зарыта/порылась	(4 информанта)
кость зарыла	(1 информант)
лает	(1 информант)
лежала	(1 информант)
порылась	(18 информантов)
порылась/зарыта	(1 информант)
	[ТП 8: 384–385]

В данном примере и далее словарные статьи приводятся почти в том же виде, что и в ТП 8. Опущены номера анкет информантов, которые были указаны в скобках после каждого варианта концовки, оставлено только количество информантов. Жирным шрифтом, как и в ТП 8, отмечены инварианты пословицы, которые были выделены при анализе результатов паремиологического эксперимента; курсивом выделены остальные, менее распространенные варианты. Все же остальные окончания, приведенные информантами, не отмеченные в словарной статье особым шрифтом, трактуются как окказиональные [ТП 8: 7].

У данной пословицы основным инвариантом считается форма *Вот где собака зарыта*, однако благодаря тому, что еще 23 информанта продолжили словом *порылась*, данная форма приводится как частотный вариант к инварианту. В «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной данная форма указана как «каламбурная трансформация литературного выражения *Вот где собака зарыта*», также присутствуют стилистические пометы *жарг.*, *шутл.-ирон.* [Мокиенко, Никитина 2007: 627].

Три респондента указали возвратную форму *зарылась*, один респондент — семантически близкий вариант глагола — *лежала*. Остальные концовки (*Вот где собака ветер носит*; *Вот где собака кость зарыла*; *Вот где собака лает*) можно считать окказиональными. Во-первых, каждую продолжили всего по одному информанту, во-вторых, их окончания не близки семантически инварианту данной пословицы. Также необходимо отметить, что продолжения *ветер носит* и *лает* могли возникнуть в результате ненамеренной контаминации, смешения двух пословиц *Вот где собака зарыта* и *Собака лает — ветер носит*.

В РССПАС в качестве параллели данной паремии указана чешская пословица *Kde (Tady) je zakopaný pes* [РССПАС: 146] (букв. 'Где (Здесь) зарыта собака'). Согласно ТП 2, данная пословица является одной из самых узнаваемых для современных носителей чешского языка, ведь ее продолжило 94 % информантов [ТП 2: 231].

2. Собака на сене: сама не ест и... другим не дает — 81,7 %, или 278 информантов. Данная пословица говорит «о том, кто не хочет отдать другому то, что ему самому не нужно и чем он не пользуется» [РССПАС: 146]. Как видим, здесь также отмечено подавляющее преобладание одного варианта над всеми другими:

Собака на сене: сама не ест и...

другим не дает	(259 информантов)
<i>другим не дает (сама не ам и другим не дам)</i>	(1 информант)
<i>другим не даст</i>	(8 информантов)
<i>другому не дает</i>	(3 информанта)
<i>корове не дает</i>	(1 информант)
<i>нам не дает</i>	(2 информанта)
<i>остальным не дает</i>	(1 информант)
<i>скотине не дает</i>	(2 информанта)
<i>спать не дает</i>	(1 информант)
<i>тебе не даст</i>	(1 информант)
	[ТП 8: 388]

Остальные варианты концовок отражают лексическую именную вариантность (*корове / нам / скотине / тебе не дает*) и морфологическую вариантность глагола *давать* (*не дает / не даст*).

Вариант *Собака на сене лежит — сама не ест и скотине не дает*, согласно БСРП, встречается в словаре В. И. Даля [БСРП: 841]. Также известен и вариант про «корову», он отмечен в словаре Н. А. Рыбникова (1961): *Лежит как собака на сене: сама не ест и корове не дает* [БСРП: 840]. Любопытно, что всего один информант указал слегка модифицированный региональный вариант, зафиксированный в словаре «Пословицы, поговорки и загадки Кубани» (2000) — *Собака на сене: сама не «гам» и другому не дам* [БСРП: 841]. Этим информантом является женщина 42 лет, родившаяся в Республике Коми, в настоящее время

проживающая в Санкт-Петербурге, образование высшее, предприниматель [ТП 8: 22].

В чешском языке не находим эквивалента данной поговорки, а лишь аналог без компонента «собака» — *Sedí na tom jako žába na prameni* (букв. 'Сидит на нем, как лягушка на источнике'). Поговорка не относится к числу хорошо известных в чешском языке, в ходе паремиологического опроса ее продолжило лишь 17 информантов из 100 опрошенных носителей чешского языка. Среди других вариантов окончания указывали: *Sedí na tom jako slepice (husa, kachna) na vejčích* (букв. 'Сидит на нем, как курица (гусыня, утка) на яйцах'); *Sedí na tom jako vosa na bonboně* (букв. 'Сидит на нем, как оса на конфете') и др. Всего один информант указал вариант *Sedí na tom jako pes na seně* (букв. 'Сидит на нем, как собака на сене') [ТП 2: 219].

3. Собака лает, караван идет (ветер носит) — 72,4 %, или 246 информантов. Интересная ситуация в ходе паремиологического опроса сложилась вокруг продолжения поговорки *Собака лает...* [ТП 8: 386–388]. В РССПАС, который являлся основным источником пословичного материала для опроса, данная поговорка была указана как *Собака лает, ветер носит*. Так говорится «о болтливом человеке и слухах, которые распространяются на основе его слов, но на которые мало обращают внимания» [РССПАС: 146]. Далее представлены результаты опроса информантов:

Собака лает, ...

а в дом не пускает	(1 информант)
а ветер носит	(2 информанта)
а караван идет	(14 информантов)
а не кусает	(2 информанта)
в двор не пускает	(1 информант)
в дом не пускает	(3 информанта)
ветер метет	(1 информант)
ветер носит	(58 информантов)
ветер носит, а караван идет	(1 информант)
ветер носит / караван идет	(9 информантов)
да в дом не пускает	(1 информант)
да ветер носит	(1 информант)

да не кусает	(15 информантов)
да не кусает / караван идет	(1 информант)
караван идет	(155 информантов)
караван идет / ветер носит	(3 информанта)
но не кусает	(5 информантов)
но не кусает / караван идет	(1 информант)
по воздуху	(1 информант)
	[ТП 8: 386–387]

Как видим, задуманный вариант окончания поговорки *Собака лает, ветер носит* в разных модификациях указало лишь 75 респондентов (22 %), а 184 респондента (54 %) продолжили поговорку иначе: *Собака лает, (а) караван идет*. По сути, это две разные поговорки. Поговорку *Собака лает, (а) караван идет* используют для выражения готовности говорящего продолжать свое дело, невзирая на злобную и бессмысленную критику. В то время как, по данным БСРП, первый вариант поговорки встречается еще в русских сборниках поговорок начала XVIII в., поговорка о караване, известная в разных вариантах в большом количестве языков, появляется в русских паремиологических сборниках только в конце XX в. [БСРП: 841].

В РССПАС в качестве параллели для поговорки *Собака лает, ветер носит* была указана чешская поговорка *Pes štěká a vítr odnáší*. Однако в ходе паремиологического опроса ее указали лишь два чешских информанта. Один информант указал продолжение *Pes štěká a karavana jede dál* [ТП 2: 184]. В то время как для варианта *Pes štěká a vítr odnáší* не было выявлено контекстных иллюстраций, фраза *Pes štěká (psi štěkají) a karavana jede dál* часто встречается в современном чешском дискурсе.

В ответах информантов имеются два совершенно различных варианта продолжения фразы: *Собака лает, да (но) не кусает* и *Собака лает, /а, да/ в дом не пускает*. У первой поговорки множество вариантов, которые можно найти в БСРП: *Которая собака много лает, та мало кусает; Не всякая собака кусает, которая лает; Не та собака кусает, которая лает (а та, что молчит да хвостом виляет); Страшна собака не та, которая*

лает, а та, которая кусает и др. [БСРП: 840–842]. Некоторые из этих вариантов встречаются еще в сборниках XVIII в. В ТП 8 эта поговорка представлена в такой форме: *Не та собака кусает, что (которая) лает* [ТП 8: 358]. Именно в таком виде она была зафиксирована у Г.Л. Пермякова [Пермяков 1988: 156]. Второй вариант *Собака лает, /а, да/ в дом не пускает* кажется довольно известным среди носителей языка, однако в БСРП обнаружен не был.

4. Собаке — собачья... смерть — 63,0 %, или 215 информантов. Эта поговорка, отмеченная 63 % респондентов в ходе паремиологического эксперимента, в РССПАС имеет стилистическую помету «грубо» и следующее толкование: «Говорится с удовлетворением (или со злорадством) по поводу гибели человека, заслуживающего высшего наказания за свои преступления» [РССПАС: 147].

Собаке — собачья...

воля	(1 информант)
доля	(5 информантов)
жизнь	(61 информант)
жизнь/смерть	(1 информант)
кость	(1 информант)
работа	(1 информант)
рознь	(1 информант)
смерть	(212 информантов)
смерть/жизнь	(2 информанта)
судьба	(1 информант)

[ТП 8: 388–389]

Преобладающее количество информантов (215) указало в качестве инварианта поговорки форму *Собаке — собачья смерть*. Антонимический вариант *Собаке — собачья жизнь*, отмеченный 63 респондентами, очевидно, возник за счет контаминации с известным фразеологизмом *собачья смерть*. В таком смешении образов в сознании носителей языка нет ничего удивительного. Согласно исследованию Н.И. Маругиной, все это часть одной смысловой доминанты концепта «собака», отраженной во фразеологическом фонде картины мира русского народа, а именно, «образ жизни животного — жизнь преимущественно плохая, тяжелая, но в то же время разгульная, свободная». Сюда исследовательница относит

поговорки, характеризующие жизнь человека и его кончину: «*Жил собакой, околел псом; Собаке собачья и смерть*», которые отражают тяжелую судьбу и неустроенную жизнь людей. Выражение *собачья смерть* интерпретируется как смерть, уход из жизни без покаяния в силу того, что у собаки нет души, нет веры. Смыслы данного слота отражаются устойчивыми сочетаниями, используемыми в речи носителей русского языка для характеристики тяжелой, нищей, неустроенной жизни: *собачья жизнь, собачьи условия, собачьи пожитки, устал как собака, голоден как собака* [Маругина 2009: 24–25].

Выражение *Psu psí smrt* оказалось практически неизвестно современным чехам, его отметили лишь 2 % информантов [ТП 2: 204]. В то же время в чешском языке есть такие фразеологизмы, как *psí život, psí počasí* (букв. ‘собачья жизнь’, ‘собачья погода’), имеющие коннотацию чего-то дурного, неприятного.

5. Для бешеной собаки семь (сто) верст не крюк — 53,2 %, или 181 информант. Данная поговорка отсутствует в РССПАС, она была добавлена в список, предложенный информантам, по инициативе авторов паремиологического минимума 2022 г. [ТП 8]. Ее значение можно было бы истолковать следующим образом: говорится о ситуации, когда человек по собственной вине или глупости тратит на что-то больше усилий, чем требуется. Поговорка доказала свою узнаваемость среди современных носителей языка, хотя и продемонстрировала, наверное, самый широкий спектр вариантов форм:

Для бешеной собаки...

<i>десять верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>и верста крюк</i>	(1 информант)
<i>и верста не крюк</i>	(1 информант)
<i>и десять верст не крюк</i>	(2 информанта)
<i>и десять километров не крюк</i>	(1 информант)
<i>и пять верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>и семь верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>и семь верст не крюк</i>	(4 информанта)
<i>и сто верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>и сто километров не крюк</i>	(1 информант)

<i>и шесть верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>километр не круг</i>	(1 информант)
<i>километр не крюк</i>	(1 информант)
<i>конец один</i>	(1 информант)
<i>круг не крюк</i>	(1 информант)
<i>лишний километр — не крюк</i>	(1 информант)
<i>не круг</i>	(1 информант)
<i>не крюк</i>	(1 информант)
<i>не расстояние</i>	(1 информант)
<i>пять верст не круг</i>	(1 информант)
<i>пять километров не круг</i>	(1 информант)
<i>пять километров не крюк</i>	(3 информанта)
<i>семь верст не дорога</i>	(1 информант)
<i>семь верст не круг</i>	(10 информантов)
семь верст не крюк	(99 информантов)
<i>семь верст не расстояние</i>	(1 информант)
<i>семь километров не крюк</i>	(1 информант)
<i>семь миль не крюк</i>	(1 информант)
<i>сорок верст не крюк</i>	(3 информанта)
<i>сто верст не круг</i>	(5 информантов)
сто верст не крюк	(23 информанта)
<i>сто верст не петля</i>	(1 информант)
<i>сто километров не кросс</i>	(1 информант)
<i>сто километров не круг</i>	(2 информанта)
<i>сто километров не крюк</i>	(4 информанта)
<i>сто метров — не крюк</i>	(1 информант)
<i>три мили не крюк</i>	(1 информант)
<i>хозяин под стать</i>	(1 информант)
<i>четыреста верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>что верст не крюк</i>	(2 информанта)
<i>шесть верст не крюк</i>	(3 информанта)

[ТП 8: 497–498]

Различные варианты этой поговорки зафиксированы в БСРП: *Бешеной собаке не крюк 20 километров*; *Бешеной собаке семь верст не крюк*; *Для бешеной собаки семь верст не крюк*; *Для бешеной собаки сто километров не крюк*. Все они были зафиксированы в словарях XX в. (словарь «Русские поговорки и пословицы», изданный под ред. В. П. Аникина в 1988 г.; уже упомянутый словарь М. А. Рыбникова «Русские поговорки и пословицы» 1961 г., а также «Словарь псковских поговорок и пословиц» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной 2001 г.) [БСРП: 842–843].

В большинстве концовок встречается лексическая именная вариантность в области

числительных (*семь/сто/сорок/три/четыреста*) и мер длины (*верст/километров/миль/метров*). Вариант *не круг*, вероятно, возник в связи с фонетическим сходством с исходным компонентом *не крюк*. Можно утверждать, что поговорка знакома современным носителям языка, налицо четкое осознание структуры, но лексическое наполнение варьируется в рамках синонимичных или же семантически схожих форм.

В чешском языке не было выявлено поговорочной параллели для данной русской паремииологической единицы.

6. Не та собака кусает, что (которая) лает — 37,9 %, или 129 информантов. Данная поговорка означает, что «следует опасаться не того, кто расточает угрозы, а того, кто молчит, но неожиданно атакует» [РССПАС: 146].

Ранее в представленном материале встречались различные варианты данной поговорки в словарной статье *Собака лает...* Были рассмотрены варианты, в которых данная единица встречается в БСРП. Как же продолжили фразу *Не та собака кусает...* информанты паремииологического эксперимента?

Не та собака кусает...

<i>а та, которая лает</i>	(1 информант)
<i>а та, что лает</i>	(2 информанта)
<i>а та, что хвостом виляет</i>	(1 информант)
<i>зарыта</i>	(1 информант)
<i>которая брехает</i>	(1 информант)
<i>которая громко лает</i>	(2 информанта)
которая лает	(39 информантов)
<i>которая лает, а та,</i>	
<i>которая молча бежит</i>	(1 информант)
<i>которая лает, бойся той,</i>	
<i>что молчит</i>	(1 информант)
<i>что голодна</i>	(1 информант)
<i>что громко лает</i>	(7 информантов)
<i>что дает</i>	(1 информант)
<i>что много лает</i>	(1 информант)
что лает	(56 информантов)
<i>что лает, а та, что молчит</i>	(7 информантов)
<i>что лает, а та собака кусает,</i>	
<i>что молчит, да хвостом</i>	
<i>виляет</i>	(3 информанта)

<i>что лает, а та, что молчит</i>	
<i>и хвостом виляет</i>	(1 информант)
<i>что лает, а та, что хвостом</i>	
<i>виляет</i>	(1 информант)
<i>что смела</i>	(1 информант)
<i>что хвостом виляет</i>	(1 информант)
	[ТП 8: 385–386]

Как видим, большинство из представленных форм являются вариантами к инварианту **Не та собака кусает, что (которая) лает**. Здесь, как у всех длинных пословиц, наблюдаются сокращенные и распространенные варианты паремии, что В.П. Жуков называет факультативностью. Как известно, чем длиннее пословица, тем больше вариантных форм ее второй части. В ответах информантов в основном наблюдаются следующие виды вариантности: лексическая — замена синонимом или семантически сходным словом, стилистическая (*лает/брехаёт*) и синтаксическая — расширение пословицы за счет ввода в ее состав новых членов предложения (*громко лает / много лает*). Примечательно, что в большинстве вариантов сохраняется ритмичность исходной пословицы.

Параллелью для данной пословицы в чешском языке является паремия *Pes, který štěká, nekouše*, в данном варианте она была отмечено 82 % чешских респондентов [ТП 2: 184], а ее употребительность была доказана многочисленными контекстными иллюстрациями.

7. Когда на охоту ехать, тогда /и/ собак кормить — 20,3 %, или 69 информантов. Наименее известной среди представленных в РССПАС пословиц с компонентом *собака* оказалась пословица про охоту. Она встречается в словарях XVIII в.: *Не тогда собак кормить, как на ловлю иттить* [БСП: 839]. Так говорят о тех, «кто не заботится заранее о планируемых делах и пытается подготовиться к ним непосредственно перед их началом» [РССПАС: 108].

Когда на охоту ехать, тогда...

<i>и время найдется</i>	(1 информант)
<i>и запрягать</i>	(1 информант)
<i>и коня кормить</i>	(1 информант)
<i>и ружье чистить</i>	(1 информант)

и собак кормить	(24 информанта)
<i>и телегу смазывать</i>	(1 информант)
<i>кобелей кормить</i>	(1 информант)
<i>коней кормить</i>	(1 информант)
<i>коней поить</i>	(1 информант)
<i>лошадей кормить</i>	(1 информант)
<i>собак бери</i>	(1 информант)
собак кормить	(35 информантов)
<i>собак кормить поздно</i>	(1 информант)
<i>оружие готовить</i>	(1 информант)
<i>телегу запрягать</i>	(1 информант)
	[ТП 8: 295–296]

То, что пословица недостаточно известная, обусловило большое разнообразие лексических вариантов, в том числе не близких семантически к инварианту. Однако все отмеченные курсивом формы отражают смысл пословицы о том, что нужно заранее заботиться о планируемых делах.

В чешском языке аналогом данного выражения является гораздо менее образная паремия *Všechno chce svůj čas* [РССПАС: 109], которая лишь частично может соответствовать семантике русской пословицы в отдельных контекстах.

Помимо уже проанализированных семи пословиц, компонент *собака* встречается в ответах информантов паремиологического эксперимента в самых неожиданных пословицах:

<i>Голод не собака</i>	(1 информант)
<i>На бедного Макара всех собак повесили</i>	(1 информант)
<i>Нечистая совесть кусает, как собака</i>	(1 информант)

Получившиеся окказиональные варианты, однако, в полной мере соответствуют традиционному образу собаки, закрепившемуся в русской паремиологической картине мира.

Выводы

Итак, были проанализированы пословицы с компонентом *собака*, вошедшие в русский паремиологический минимум 2022 г. по результатам опроса 340 информантов, носителей русского языка. Во всех пословицах, кроме последней, слово *собака* уже присутствовало в первой части выражения, которое нужно было продолжить, а потому должно было вызвать ассоциации, которые

провоцирует данный концепт в сознании носителей русского языка. Предложенные информантами варианты продолжения пословиц отразили стереотипные представления, зафиксированные в нашей культуре и паремиологической картине мира. Несмотря на то что «собака — друг человека», в паремиологическом фонде четко закрепились отрицательные коннотации, связанные с образом собаки. Вероятно, причина кроется в том, что в большинстве пословиц происходит метафорический перенос с собаки на человека, а человеку не так уж лестно сравнение с собакой.

Часть проанализированных пословиц имеет в чешском языке пословичные параллели, также содержащие компонент *собака* (*pes*), данные пословицы являются эквивалентными русским паремиям (*Pes, který štěká, nekouše; Tady je zakopaný pes; Pes štěká a karavana jede dál; Pes štěká a vít odpáší; Psi psí smrt*), однако не все они хорошо известны носителям чешского языка. Так, последние две пословицы были продолжены лишь двумя информантами чешского паремиологического эксперимента. Пословица *Собака на сене: сама не ест и другим не дает* имеет чешский аналог без компонента *собака* — *Sedí na tom jako žába na prameni*.

В семи пословицах, вошедших в новейший паремиологический минимум русского языка, как и в тех, где компонент *собака* появился окказионально в ответах отдельных информантов, можно наблюдать наличие следующих признаков, положенных в основу метафорического переноса и составляющих ассоциативное поле данного концепта (по Н. И. Маругиной):

Собака — символ нечистоты, безверия, бездуховности (*Вот где собака зарыта; Нечистая сова кусает, как собака*).

Собака — символ неустроенной жизни, нищенского существования, низкого положения (*Собаке — собачья смерть; Для бешеной собаки семь (сто) верст не крюк; На бедного Макара всех собак повесили*).

Собака — символ послушания, покорности в результате применяемых над ней насильственных действий (*Не та собака кусает, что (которая) лает*).

Собака — символ жадности, скупости, прожорливости (*Собака на сене: сама не ест и другим не дает; Голод не собака*).

Голосовое поведение собаки ассоциируется со сквернословием, бранью, ссорой, сплетнями, пустословием (*Собака лает, караван идет (ветер носит)*).

Прочие признаки, отмеченные Н. И. Маругиной, такие как «собака — символ свободной, беззаботной, разгульной жизни», «собака — символ тоски», «собака — символ свирепости, проявления гнева, агрессии» и «собака — символ мудрости, большого ума, зрелости и опыта» [Маругина 2009: 30] не нашли отражение в современном паремиологическом минимуме.

Данные паремиологических социолингвистических экспериментов предоставляют уникальные возможности для исследования паремиологического фонда современного языка и актуализации паремиологической картины мира.

ИСТОЧНИКИ

ТП 2 — Котова М. Ю., Сергиенко О. С. *Тетради паремиографа. Выпуск 2: Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: учеб. пособие для студентов*. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2013. 278 с.

ТП 8 — Котова М. Ю., Боева Н. Е., Гусева О. В., Мушинская В. В., Раина О. В., Сергиенко О. С. *Тетради паремиографа. Выпуск 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года*. Котова М. Ю. (ред.). СПб.: Изд.-полигр. ассоц. высш. учеб. заведений, 2023. 560 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц*. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 1023 с.

Жуков 2005 — Жуков В. П. *Словарь русских пословиц и поговорок*. 12-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Медиа, 2005. 537 с.

Мокиенко, Никитина 2007 — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок*. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.

РССПАС — Котова М. Ю. *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. Дмитриев П. А. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 360 с.

ЛИТЕРАТУРА

Котова 2004 — Котова М. Ю. *Славянская паремиология*. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. Т. 1. 231 с.; Т. 2. 540 с.

Котова 2010 — Котова М. Ю. *Лекции по сопоставительной славянской паремиологии: учеб. пособие для магистрантов*. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2010. 170 с.

Котова 2022 — *Русская языковая картина мира в поговорках (на фоне других языков)*. Котова М. Ю. (ред.). СПб: Изд.-полигр. ассоц. высш. учеб. заведений, 2022. 164 с.

Маругина 2009 — Маругина Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира. *Язык и культура*. 2009, 2 (6): 11–30.

Пермяков 1988 — Пермяков Г. Л. К вопросу о паремиологическом минимуме языка: 500 наиболее употребительных русских пословичных изречений. В кн.: Пермяков Г. Л. *Основы структурной паремиологии*. М.: Наука, 1988. С. 143–166.

Пермяков 2001 — Пермяков Г. Л. *Пословицы и поговорки народов Востока*. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.

Сергиенко 2010 — Сергиенко О. С. *Вариантность чешских и словацких пословиц*. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 360 с.

Сергиенко 2015 — Сергиенко О. С. *Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 296 с.

Черемных, Шенкман 2024 — Черемных Ю. А., Шенкман В. И. Традиционные представления о собаке по данным русской паремиологии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024, 17 (3): 753–761.

REFERENCES

Котова 2004 — Kotova M. Yu. *Slavic paremiology*. Dr. Sci. thesis in Philology. St. Petersburg, 2004. Vol. 1. 231 p.; Vol. 2. 540 p. (In Russian)

Котова 2010 — Kotova M. Yu. *Lectures on Comparative Slavic Paremiology*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet. St. Petersburg University Publ., 2010. 170 p. (In Russian)

Котова 2022 — *Russian linguistic picture of the world in proverbs (against the background of other languages)*. Kotova M. Yu. (ed.). St. Petersburg: Izdatelsko-poligraficheskaja assotsiatsiia vysshikh uchebnykh zavedenii Publ., 2022. 164 p. (In Russian)

Маругина 2009 — Marugina N. I. The concept “dog” as an element of the Russian linguistic picture of the world. *Yazyk i kultura*. 2009, 2 (6): 11–30. (In Russian)

Пермяков 1988 — Permyakov G. L. To the question of the paremiological minimum of the language: 500 most popular Russian proverbial expressions. In: Permyakov G. L. *Osnovy strukturalnoi paremiologii*. Moscow: Nauka Publ., 1988. P. 143–166. (In Russian)

Пермяков 2001 — Permyakov G. L. *Proverbs and sayings of the peoples of the East*. Moscow: Labirint Publ., 2001. 624 p. (In Russian)

Сергиенко 2010 — Sergienko O. S. *Variance of Czech and Slovak proverbs*. PhD thesis in Philology. St. Petersburg, 2010. 360 p. (In Russian)

Сергиенко 2015 — Sergienko O. S. *Normativity and variance in Czech and Slovak proverbs*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2015. 296 p. (In Russian)

Черемных, Шенкман 2024 — Cheremnykh Yu. A., Shenkman V. I. Traditional perceptions of the dog according to Russian paremiological data. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2024, 17 (3): 753–761. (In Russian)